

XXI

30 октября

Уде и Малле врываются ко мне в комнату и сообщают о бойне, о поражении при Ле-Бурже[152].

- Уде, отыщи горниста!.. Малле, раздобудь топор!.. Барабаны, бейте сбор!..

Вся улица охвачена волнением. Трубы и барабаны неистовствуют. У Малле в руках топор.

И вот под тем самым окном, где недавно кричали: «Долой командира!», - сотни людей ждут, чтобы Вентра растолковал им, почему он поднял тревогу.

- Граждане, я беру назад свою отставку и прошу у вас разрешения стать во главе вас и, не медля ни минуты, двинуться в Бурже, на помощь нашим, которые погибают там от руки врага, оставленные без поддержки.

Трепет толпы. Крики:

- В Ле-Бурже! В Ле-Бурже!

Все пожимают руки Уде и Малле, моим славным товарищам, являющимся всегда вовремя, чтобы проложить мне дорогу своей отвагой.

- Но зачем топор?

- Чтобы взломать бочку с патронами, которую запрещено выдать мне без приказа мэра и особого разрешения штаба; но я велел выкатить ее на улицу, чтобы вы могли набить свои патронташи. Высаживайте дно!

- Да здравствует Республика!

Все выстроились... Ни один не уклонился от сбора.

Ко мне подходят командиры. Вокруг моего развенчанного кепи образуется как бы военный совет.

– Выступаем, решено! Но прежде надо снестись со штабом, чтобы согласовать с ним наше участие в сражении, узнать, какие уже приняты меры.

Это бревно поперек дороги кладут нам старые солдаты.

Приходим к Клеману Тома[153].

– Дома господин генерал?

– Он сейчас не принимает.

– Нам необходимо видеть его.

– Стой!

Долой все приказы! Часовые наступили на них и раздавили их тяжестью своего гнева, как только мы бросили им в лицо зловещие новости и наше решение.

На шум появляется Клеман Тома.

Он выходит из себя и, узнав меня, обращается ко мне:

– Чего вам еще нужно?

Я кричу ему, чего мы хотим, кричат это и другие.

– Я велю задержать вас, если вы не оставите этот тон!

Мы не оставляем его... и нас никто не трогает. Но он старается подавить нас своим авторитетом и своим мнимым стратегическим опытом, – этот генерал, бывший тридцать лет назад всего-навсего кавалерийским унтер-офицером.

Он заявляет нам, что в ратуше только что совместно с корпусными командирами был разработан план действий и что наш неорганизованный поход может провалить его.

– Наличные силы распределены по отрядам соответственно правилам войны и должны выступать в точно определенный момент, по условленному сигналу. Подготовлены планомерные вылазки, чтобы раздавить врага и отомстить за наших убитых... Согласитесь ли вы взять на себя ответственность за поражение, подвергнуть себя упрекам в безумии и даже в измене?

Я опустил голову и, подавленный, побрел обратно на бульвар Пуэбла, где меня ждали люди со знаменем в центре.

Нас сопровождал штабной офицер. Он пообещал, что если потребуется двинуть подкрепление в Ле-Бурже, то первым будет брошен туда 191-й батальон.

Ну что ж, хорошо! Мы легли спать со слезами на глазах и свернули знамя, намокшее под дождем и вонявшее отсыревшей шерстью, тогда как оно должно было благоухать пороховым дымом.

31 октября [154]

Новые известия, еще более ужасные. Базен[155] изменил!

Правительство обороны знало это и скрывало.

– В ратушу!

Все кварталы, один за другим, договариваются отправиться вместе.

Пошли.

Но у Ла-Кордери группа собравшихся там приятелей задерживает меня, заявляя, что роты могут идти дальше и без меня, а им надо поговорить со мной в интересах народа.

– Надо обсудить, как руководить движением.

Но нас только семеро. Знаменитости отсутствуют. Бланки показался и затем исчез; точно так же и Вайян[156]. Самых популярных поглотили батальоны, пожелавшие иметь их с собой, и теперь они не отпускают их ни на шаг. В их числе и я: меня уже требуют, приходят за мной.

– Вентра! Вентра!

Ах, как наивны те, кто думает, что главари руководят восстанием!

Так называемый главный штаб дробится, разбивается на части, рассеивается, тонет в пучине человеческих волн.

Самое большее, если голова одного из этих вожаков вынырнет на мгновение, как бюст раскрашенной женской фигуры, вырезанной на корме корабля, которая то появляется, то исчезает по прихоти стихии, по воле волн.

Все же мы впятером или вшестером, стоя на краю тротуара, постановили, что вечером должна быть провозглашена Коммуна.

– Коммуна... решено.

– Идите же наконец, – зовет человек, которому поручено привести меня.

По дороге меня отбивают от моего сержанта, и захватчики полностью овладевают мною так же, как до того поступил он. Меня отделяют от толпы, поднимают на стул, вытасченный из трактира, и заставляют разглагольствовать. Импровизированным комитетом, созданным тут же, у бильярда, мне поручено составить прокламацию и обсудить в промежутки между двумя рюмками черносмородинной, кого следует «поставить у власти».

Выстрел!

Дети пищат и прячутся.

Наш трактирный комитет, состоящий из храбрых малых, решает, что наступил момент действовать. Мы пытаемся вернуть бегущих и направляемся к ратуше с намерением захватить ее.

– Она в наших руках, – говорит мне Уде; он как раз возвращается оттуда. – Ты ведь ничем не хочешь быть, не правда ли? – Ну так вернемся в свой квартал и останемся в предместьях среди никому не известных.

Я не посмел противоречить. А между тем мне очень хотелось бы пойти в ратушу, может быть даже получить там какой-нибудь боевой пост, стать чем-нибудь в восстании.

Уде заставил меня покраснеть за мои намерения, или, вернее, у меня просто не хватило смелости. С сожалением повернул я обратно.

Но Уде, который любит меня и сам пользуется моим уважением, яснее видит дело.

Уступим место другим и возвратимся к себе.

Впрочем, сначала поднимемся по лестнице Ла-Кордери.

Я застаю там семь-восемь человек и привожу их в замешательство сообщением о том, что, по словам Уде, новое правительство сформировано.

А они как раз были заняты составлением своего списка... как это было у трактирщика.

– Но наш долг – войти в состав этого правительства! – заявляет молодой адвокат в коротеньком синем пиджачке, стараясь принять эффектную позу. Он готов, если надо, умереть под знаменем восстания, но не откажется и от выгод, которые может принести его честолюбие, задорное, как и вихор его черного парика (он у него совсем такой, как у народных трибунов на гравюрах), которым он встряхивает на манер Мирабо, подергивая при

этом своими тщедушными плечами.

Я только даром потерял там время. Вернулось еще несколько человек; мы расспрашивали друг друга, ссорились и ругались, словно византийцы[157], обсуждая, как надо вести себя с народом, – как будто этот народ подсматривал за нами в замочную скважину и ждал нас на лестнице, чтобы умолять стать его господами.

Кончено, я возвращаюсь к своим сарматам.

– Вы знаете, что в мэрии Ла-Виллетт остались национальные гвардейцы, не пожелавшие утром принять участие в движении?..

– Идем занимать мэрию Ла-Виллетт!

Я – в сабо. Мои почетные сапоги натерли мне ноги, и я надел эту деревянную обувь, завалившуюся где-то в углу.

Поверх куртки я накинул поношенный, потертый плащ, ставший из синего зеленым... Но зато у меня сабля с портупеей.

Я обнажаю ее. И под дождем, падающим с серого туманного неба, шлепая по лужам, веду три десятка людей на улицу Фландр.

На нас жалко смотреть: с волос течет, штаны забрызганы грязью. На моем тесаке уже выступили ржавые пятна, а крылья у плаща намокли и поникли. Я похож на курицу, выскочившую из лохани с водой.

– Стой!

Вечное «стой» встречает меня у всех дверей с тех пор, как я появился на свет.

Но идущие за мной и промокшие насквозь люди выстроились в боевом порядке позади моего плаща, и он отряхивается, выпрямляется.

– Дорогу народу, хозяину власти!

Решетка открывается, и мы проходим.

– Теперь, когда ратуша в ваших руках!..

На дворе, битком набитом солдатами и ошетилившемся штыками, невообразимый шум.

– Шарф! Шарф!

Несколько командиров подбегают ко мне и опоясывают меня.

– Именем Революции назначаем вас мэром округа! – говорят они, затягивая на мне пояс... затягивая его слишком туго.

Они отпускают его немного; но теперь очередь за головой.

– Во имя Революции, облобызаемся!

И я получаю несколько звучных поцелуев, пахивающих луком и даже чесноком.

Теперь за работу!

– За работу? Но что я должен делать?

А речи! Разве можно обойтись без обращения к народу, без того, чтобы не сказать ему, что готов умереть за него?

– Ведь вы умрете за него, не правда ли?

– Ну, конечно.

– Так вот и скажите ему. Он любит, когда ему говорят это... Полезайте на стол... Внимание!.. Тише!.. Теперь можете начинать.

И я начинаю.

Чувствуя, что мое красноречие иссякло, я заканчиваю:

– Граждане, время разговоров прошло!

Теперь я готов приступить к тому, что делают обычно носители набрюшников.

– Что же они делают? А?

– Понятия не имею, – бормочет стоящий рядом со мной человек; его только что назначили моим помощником, и он тоже ждет, чтобы ему указали его обязанности.

– Очень просто, надо подписывать ордера, – говорит какой-то старик, по-видимому совершенно ошеломленный моим невежеством.

Подписывать ордера? Охотно, но на что?

– На извозчиков, на лампы, на масло, на бумагу, на все что угодно, черт возьми, как это всегда делается в революцию!

Вот тебе на! Я думал, что у меня будут требовать только патронов, и готов был подписаться обеими руками. Что до остального...

– А как же посылать за сведениями в ратушу? В районы? Нужны извозчики. За вашей подписью ими можно будет воспользоваться бесплатно... А за деньгами они придут завтра.

Завтра? Я совсем не знаю, что будет с нами завтра.

Однако я уже не только подписал несколько ордеров, но и «обокрал кассу». Враги, несомненно, обвинят меня в краже, если только перейдут в наступление. Я хорошо знаю эти процессы на другой день после восстания и рискую не только своей жизнью... Ей, по-видимому, не грозит опасность... Зато моя честь ставится на карту вместе с этими несколькими пятифранковыми монетами, взятыми под ответственность того, кто распоряжается в данный момент и кто зовется Жаком Вентра.

Впрочем, жребий брошен! Будь что будет!

Но я постараюсь, чтобы дело приняло серьезный оборот, и не стану тратить время на то, чтобы подписывать ордера на фураж и разные накладные.

Но дело не принимает серьезного оборота – совсем напротив!

Я слышу на лестнице невообразимый крик и шум.

Это – Ришар, бывший мэр. Он только что явился из ратуши, куда ходил за распоряжениями к своим хозяевам, и теперь пробирается через батальон захватчиков.

Он кидается на шарф, в который меня затащили.

– Отдайте мне его! Вы нарушаете закон! Я велю вас завтра расстрелять!

Он вцепился мне в живот и пытается сорвать с меня трехцветный пояс, завязанный узлом. Этот узел впился мне в пуп... Я сиңею.

– наших братьев душат, – кричит участник 48-го года, хотя я и не состою в родстве с ним.

Мэр вынужден выпустить меня из рук, и его, в свою очередь, основательно сжимают. У него уже глаза стали вылезать из орбит.

К счастью, я успел отдышаться.

- Граждане, пусть ни один волос не упадет с этой пустой головы, пощадите скорлупу этого гнилого ореха.

Все смеются. Гнилой орех брызжет слюной.

- Можете пытаться меня сколько угодно, но я повторяю, что завтра вас ждет возмездие!

- Никто не собирается вас пытаться, но, чтобы вы не надоедали народу, мы запрячем вас в шкаф.

И я велел сунуть его в стенной шкаф... огромный шкаф, где ему, право, очень удобно. Он может там стоять, если ему угодно, отлично может вздремнуть на средней полке, свернувшись калачиком.

Революция идет своим путем.

Час ночи.

Один из стражей желает поговорить с теперешним мэром от имени мэра, сидящего под замком.

- Что случилось? Он покончил с собой? Задохнулся в шкафу?

Нет!.. Парламентер молчит.

- Да говорите же!

Он не решается... Наконец, наклонившись к самому моему уху, шепчет:

- Простите, извините, господин командир... но он просто извивается там... Вы, конечно, понимаете?.. Позвольте ему сходить, гражданин?

- Позволить ему сходить в шкафу, - говорит Грелье[158], мой помощник, - в шкафу! Слышите?

- Вы слишком жестоки!

- Дорогой мой, если он вылезет оттуда, половина людей тут же присоединится к нему и сбросит нас. Он - горячий и решительный малый... пусть уж лучше разрядится там.

Пусть!

Не проходит и часу, как появляется другой сержант, весьма несговорчивый. Его прозвали сапером - из-за бороды, совершенно закрывающей его лицо. Он с радостью даст убить себя вместо «своего командира».

- Для него я даже сбрую бороду, - говорит он, и его глаза горят преданностью.

Он приносит вести из шкафа.

- С вашего позволения, господин командир, шкаф совершенно затоплен... Но это еще не все!

- Что же еще?

Он тоже затрудняется, не знает, как объяснить.

- Видите ли, этот человек уже не стесняется больше... и просит...

- Чего же он просит?

- Он просится, господин командир, выйти на минутку... для кое-чего более серьезного!

- Вы видите, - говорит Грелье, - реакция поднимает голову. - Только что одно требование, теперь - другое.

Он повертывается к саперу.

- А что говорит стража? Что думает она о его претензиях?

- Они говорят, что может кончиться очень печально, если его вовремя не выпустить...

- Так выпустите его, ради бога... Полейте хлором в шкафу и дайте ему свободу вместе с ключом от надлежащего места.

Мэр не заставляет повторять себе два раза и пулей вылетает из шкафа, оцарапавшись при этом о железо створки.

- Пруссаки! Пруссаки! - закричало несколько шутников, и они чуть было не заставили весь батальон взяться за оружие и направить его на ободранный зад мэра.

И подумать только, что завтра, если мы будем побеждены, завопят, что я толкал к убийству, вел людей на бойню! Между тем до настоящего времени если и пролилась кровь по моей вине, то только кровь этого «пруссака»...

Побеждены! - Похоже на то.

Из ратуши поступают мрачные известия.

По-видимому, правительство собирается с силами. Говорят, что ему приходят на подмогу; один правительственный батальон выступил в полном порядке, с Ферри во главе, и двигается против восставших.

Неужели это правда?..

- Что бы там ни было, собирайтесь, товарищи. Выступим навстречу этому батальону!

- Мы голодны! Мы хотим пить!

- Есть и пить будете потом, в Париже.

Но они упорствуют, говорят, что меньше будут дрожать за свои животы, если уболаговорят свои желудки.

- Ну, так живо! Взломайте в погребе несколько бочонков с селедками и вином... По селедке и по стакану вина на человека!

А затем ранцы на спину! Я снова возьму мою саблю и сброшу шарф. Кто хочет надеть его?

- Ну нет! Вы не выйдете отсюда!

И они предательски и исподтишка препятствуют моему уходу.

Начальники частей, которые последние два месяца явно или тайно были на стороне экс-мэра и ненавидели меня за мою популярность в клубе, осмелели, узнав о наступательных действиях буржуазии. Их эмиссары сеют возмущение в отделениях, получивших по кружке вина и по копченой селедке.

- Устроил беспорядок и теперь удирает! Смотрите, чтобы он не улизнул! Иначе вас арестуют и вы будете отвечать за все. Да и знаете ли вы, куда он вас ведет и что вас ожидает?.. Он захватил мэрию, - ну и пусть остается в ней заложником!

Я попробовал настаивать, но бельвилльцы прикинулись глухими. Только несколько простых и смелых ребят отправились всем взводом навстречу опасности.

Наша звезда закатывается.

Узнаем, что 139-й подходит и собирается взять нас приступом.

- Они уже напиралют на решетку, - докладывает мне капитан.

- Через эту самую решетку снимите их авангард. Пли!

- Но ведь начнется резня.

- С нами разделяются еще хуже, если они почувствуют, что мы боимся. Пойдите скажите им, что вы будете стрелять, если они двинутся с места.

Они остались на месте, и вовсе не из страха, - признаю это, - а потому, что хотя они и не на нашей стороне, но страдают, как и мы, и в сердце у них тоже раны патриотов.

Все равно! Я послал за патронами на пост вольных стрелков; ими командует лейтенант, мой бывший товарищ по нищете, с кем мы вместе терпели и голод и холод.

В нем я по крайней мере уверен: он не откажет в боевых припасах.

Так нет же, черт возьми, - он отказал в них!

С тех пор как этот отщепенец нацепил эполеты, он стал вполне благонамеренным. Возможно, он даже рассчитывает получить крест или патент на офицерский чин в регулярной армии. И если он будет драться, как лев, то только как такой лев, которому надоело поститься в пустыне и который стремится к корму зверинца и аплодисментам толпы.

А!.. Есть от чего разбить себе голову об стену!

С мусульманским спокойствием ожидали мы конца драмы среди селедочного запаха и винных паров.

Ах, эта селедка! Мой шарф пропах ею. Красное знамя, неизвестно откуда взявшееся и водруженное перед моим пюпитром, тоже пропахло ею. Порох, деньги, - какие у нас есть, - все пропиталось запахом взломанных на дворе бочонков.

Можно подумать, что находишься на Рыбной улице в Лондоне, а не в цитадели инсургентов предместья Ла-Виллетт.

1 ноября

Мало-помалу цитадель эта опустела. Отправившиеся за новостями не вернулись. То ли их захватили в плен, то ли они сами не захотели вернуться в осиное гнездо, уже отмеченное гневом буржуазных батальонов.

Нас осталось там всего несколько человек. И мы ничего не знаем о том, что творится в Париже.

Только что получена депеша:

«Мэру XIX округа».

Это я – мэр, потому что на мне шарф.

Распечатываю и читаю: «Порядок восстановлен без кровопролития».

Нужно поскорее удирать. Я едва держусь на ногах от голода, изнываю от жажды.

Подавленный, усталый, сонный, вхожу в ресторан, куда в полдень мы с товарищами заходили обычно перекусить. Я застаю здесь тех, кто не явился ночью: они или боялись меня, или ждали конца, чтобы на что-нибудь решиться.

Концом будет, несомненно, мой арест, и в очень скором времени. Возможно даже, что меня сцапают прежде, чем я успею доесть яичницу.

Жалкие люди! Они уткнулись носами в тарелки, делая вид, что не замечают меня; сдвигают стулья, чтобы я не сел за их столик.

Я все-таки подхожу к ним.

– Меня заберут как инсургента, как вора. Я выставлю вас свидетелями.

Они не дают мне кончить.

– Гм... Гм... Черт!.. Как?.. Но... В конце концов вас никто не заставлял захватывать мэрию. Вы, может быть, спасли Ришара, изолировав его от толпы, но, если б вы не заняли его места, этим людям и в голову не пришло бы душить его... Говорят, будто вы велели расстрелять Луи Нуара, и он сам подтверждает это!..

Мне стало противно. Я проглотил стакан вина и чуть ли не бегом направился к ратуше.

Никаких следов ночного мятежа, почти не видно часовых, на стенах ни одной царапины от пуль. Безмолвен дом, пустынна площадь.

– Пожалуйста, на десять су серого мыла. Да, да, на десять.

И я побежал домой и превратил свою комнату в ванную; я выпросил у приятельницы-соседки одеколону, чтобы sprysнуть свою куртку. Опустил ноги в воду и взялся руками за голову.

Вот я и чист. Теперь, если меня по дороге и оцарапает какой-нибудь штык, я попаду в больницу в чистой рубашке и свежих носках.

А то, что мне могут продырявить кожу, – очень возможно. Я непременно еще раз зайду в мэрию, после чего буду считать себя вправе исчезнуть и скрыться от преследований.

– Пожалуйста, еще немного одеколону. Скажите, соседка, от меня все еще пахнет селедкой?.. До свидания!

– Вас арестуют, господин Вентра?

– Думаю, что да.

– Оставайтесь дома.

– Так меня заберут здесь, только и всего.

Она слегка краснеет. Мы с ней близки. И, пряча свою душистую мордочку в моей все еще зловонной бороде, она предлагает мне:

– Я спрячу вас у себя.

– Невозможно! Но если я не вернусь, пришлите мне белье. И одеколон... побольше одеколону! Заранее благодарю вас!

Я занял у швейцара пять франков.

Пять франков! Ночью я опорожнил свои карманы и оставил все, что у меня было, кассиру, – даже мои собственные деньги. С этими ста су я могу теперь спокойно выжидать событий.

Вот я и во дворе. На этот раз я без сабли и вхожу сюда, как в тюрьму.

Решетка запирается за мной по приказу коменданта. Вчера, во время сумятицы, я не видел его, но он вынырнул сейчас, когда я проиграл.

Оказывается, этот несчастный действительно думал, что я хотел расстрелять его.

И это – брат Виктора Нуара, тот самый, что принял меня у смертного одра, где лежало еще не остывшее тело его младшего брата? Это он выступает против меня, обвиняет и призывает к ответу перед караульными солдатами, солдатами батальона, которым командует бонапартист.

К счастью, здесь еще оставалось несколько наших – Бутлу со своими людьми. Они дремали, положив под голову ранцы, но проснулись от шума и заявили:

